

АУТОДАФЕ

Аутодафе, в переводе, это акт веры. Инквизиция – вопрошание. Ну еще, конечно, костер, допрос под пыткой и прочие прелести ради блага общества. Именно это вы и найдете в нашей новой горячей рубрике. Общество должно знать своих вождей. И потому – на костер приглашаются...

Егор Гайдар:

"Я убежден, что страна не обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым"

Страшные признания первого реформатора

Александр Пумпянский: Вы признаете свою вину?

Егор Гайдар: Да. Во всем.

А.П.: Тогда конкретнее. Вы признаете свою вину в том, что именно вы, или вы вместе с Чубайсом, инициировали этот правительственный кризис, написали программу новому премьер-министру и сформировали, в сущности, этот кабинет? И что вообще новый премьер-министр – это вылитый вы?

Е.Г.: Нет, разумеется, не признаю. Но я буду говорить все-таки за себя. За Чубайса Анатолий Борисович будет говорить сам.

Да, у меня было представление о том, что такой кризис назревает, на базе моего собственного понимания того, что происходит в российской политике, понимания Ельцина и того, как он принимает решения. Мне, в общем, нравится пока его выбор премьера. Мне кажется, что он показал себя человеком квалифицированным, грамотным, понимающим, что надо делать, и способным держать удар. Он сам сформировал собственную программу. Точно могу сказать, что он главный автор своих программных текстов и своих выступлений.

Да, были люди, которые ему помогали, были разные разработки, которые он использовал. Но он не нуждается, чтобы за него писали речи. Он способен делать это сам.

Валерия Новодворская: Правительственный кризис – это, в общем, мелочи. Признаете ли вы, что изменили ход российской истории? И какова вероятность, что она не пойдет вспять снова?

Е.Г.: Как говорил в таких случаях Юрий Деточкин: я приложил к этому свою руку...

Я думаю, что укоренение в России рынка и частнособственнических отношений – это уже данность. Очень трудно себе представить реалистичный сценарий, в рамках которого у нас будут демонтированы полноценные рыночные механизмы. Мне кажется, что здесь точку возврата мы прошли в 1996 году.

Два вопроса, которые остались нерешенными и будут решены на протяжении следующего десятилетия. Первое – это стабильность демократических институтов в нашей стране. Я абсолютно не убежден, что ее можно воспринимать как данность. Для этого еще нужны годы.

И второе. Мы, конечно, не прошли точку выбора характера рынка. Будет это либеральный рынок равных для всех правил игры с подконтрольным обществу государством или рынок, где собственность и власть переплетены, то есть рынок коррумпированный, где самые эффективные инвестиции – взятки чиновникам. Этот вопрос, видимо, будет решаться на протяжении следующего десятилетия.

В.Н.: Сколь долго и.о. или просто премьер-министры должны будут упоминать о том, что они хранят партбилеты, и поздравлять трудящихся с днем международной солидарности?

Е.Г.: Я думаю, что это не более чем политические реверансы коммунистическому электорату. Они способствуют налаживанию диалога этой команды, которая пытается держать себя как команда вполне технократическая, неполитизированная, не связанная никакими пристрастиями, – с разными группами населения. Вопрос не в том. Еще раз подчеркиваю: Кириенко не Гайдар – переодетый и замаскированный. Он и его сверстники – другие.

Александр Пумпянский: А в чем другие?

Е.Г.: Они моложе. И приходят в совершенно иной ситуации. Мы пришли в 1991 году в обстановке краха предшествующего режима, нормального революционного хаоса, где не было ничего прочного. Это было революционное время, которое, в общем, рекрутирует людей с экономическим образованием, но романтическим складом ума, потому что никакой прагматик в это время в российском правительстве работать бы не захотел.

Сейчас ситуация совершенно другая. Мы прошли огромный участок пути к формированию российской государственности, более или менее стабильной и предсказуемой, и рыночной экономики. И что делать — в гораздо большей степени понятно, и выдумывать ничего особенно не надо. В этой ситуации требования к людям, которые приходят, совсем другие. Они могут быть в меньшей степени романтиками, в большей степени прагматиками. В большей степени политически индифферентными. В большей степени, если хотите назвать это другим словом, всеядными.

Они моложе, и это, кстати говоря, тоже сказывается, потому что идет уже другое поколение, в меньшей степени несущее на себе рецидивы и установки старого режима и в этой связи его отрицание.

Дмитрий Орлов: В своей книге "Государство и эволюция" вы заметили, что идеология сегодняшних государственников — это

идеология циничного бюрократического декаданса. Можно ли сегодня говорить о том, что сформирована нормальная система государственного регулирования, система нормального дирижизма в наборе правительственных решений?

Е.Г.: Эволюция, на мой взгляд, в последнее время идет в правильную сторону. Если вы проанализируете полный перечень постановлений правительства периода августа 1996 — марта 1997 года, вы увидите, что из них не вырастает никакой логики, кроме логики лоббирования отдельных частных интересов. Если вы посмотрите всю совокупность постановлений правительства, которое работало между мартом 1997 года и мартом 1998 года, вы увидите серьезную подвижку в сторону более или менее осмысленной экономической политики с серьезным сокращением набора льготных решений.

Надо посмотреть, конечно, что получится у Кириенко, но я практически убежден, что это продолжится. Хотя, еще раз подчеркиваю, идти по этому пути нам довольно далеко и долго.

Эрлен Бернштейн: Что такое министерство промышленности и торговли? В связи с этим, как вы понимаете, постоянные разговоры о промышленной политике?

Е.Г.: Когда речь заходила о промышленной политике, то, в общем, Кириенко не сказал ни одной неправильной вещи. Он говорил о том, что надо снижать процентную ставку. Правильно, я двумя руками "за" такую промышленную политику. Что надо вводить современные методы бухгалтерского учета и аудита. Я стопроцентно "за". И так далее. Речь не шла о том, что надо выдавать отдельные льготы предприятиям, суб-

Очень трудно себе представить реалистичный сценарий, в рамках которого у нас будут демонтированы полноценные рыночные механизмы. Точку возврата мы прошли в 1996 году

сидировать их капитальные вложения и так далее. Всей этой глупости не было. Что, на мой взгляд, делает Кириенко? Он достаточно правильно понимает, что надо делать в экономике, и пытается упаковать это правильное понимание в те слова, которые нравятся элите и избирателям существенно левее нас. Слова-то можно самые разные использовать. Важно, что правительство будет делать.

Теперь о министерстве промышленности и торговли. Общая идея — это попытка создать российский аналог японского министерства, которое будет в первую очередь заниматься продвижением

особенно экспорта обрабатывающих отраслей, на мировых рынках. Это действительно важная задача, которой должно заниматься российское государство, используя все свои рычаги, включая дипломатические. У нас, действительно, есть потенциал машиностроительного экспорта и экспорта высоких технологий, используется же он плохо, потому что нет систем поддержки экспорта, аналогичных системам наших конкурентов.

Другое дело, что есть и риск получить еще одного лоббистского монстра, и министр будет бегать по коридорам правительства и орать истошным голосом, как срочно нужно поддержать ту, ту или ту отрасль экономики, кому что дать...

Андрей Колесников: Вице-премьер Христенко способен держать экономическую и финансовую политику под контролем?

Е.Г.: Христенко я знаю по работе в Челябинске и потом по работе в министерстве финансов, где он отвечал за регионы, в том числе за реформы в системе бюджетных трансфертов. В моем представлении он человек квалифицированный, работающий, организованный, понимающий (что важно) пределы своей компетенции и способный учиться.

Валерия Новодворская: Меня волнуют термины. Поскольку свою и Анатолия Борисовича порядочность вы называете романтизмом, а прагматизмом — свистопляску с партбилетом и прочими вещами, то не следует ли реверансы Зюганову называть так, как это называется, — моральной деградацией. И если это у нас совершилось после прой-

Пытки и казнь ведьм (миниатюра из швейцарской рукописи, 1514)

денной точки отсчета в 1996 году, то, простите, может ли экономический рост сопровождаться моральной деградацией?

Е.Г.: Во-первых, конечно, может. Опыт показывает, что это бывает, это не феномен в мировой, экономической и социальной истории.

Действительно, это вопрос, какие слова мы употребляем. Мы были всегда предельно прагматичными, или романтичными, в том, что касалось электоральной политики. Главная претензия к нам и в 1993-м, и в 1995 годах от избирателей, которые нам сочувствовали, была в том, что мы неправильно вели избирательные кампании: все время всем говорили правду. Нам говорили: вас не выберут никуда. Конечно, был набор прагматиков, которые всегда были готовы говорить любую ложь, которую в этот момент хочет слушать избиратель, твердо зная, что на следующий день после выборов они про это забудут. Можно назвать это моральной деградацией, можно политическим прагматизмом. На мой взгляд, от этого суть дела не изменится. Мы прекрасно понимаем, о чем мы говорим.

Александр Пумпянский: Как вы представляете себе сегодняшнюю экономическую и социальную реальность? Если послушать одни оценки, то это бесконечное падение и уничтожение великой промышленности, великой экономики и так далее. Если говорить о том, как живут люди, то художники той же самой школы рисуют или геноцид, или просто вымирание людей. А как вы себе представляете: где находится страна, что происходило за это десятилетие и как живут люди?

Е.Г.: На этот вопрос я вынужден буду отвечать длинно. Давайте рассмотрим два факта. Валовый внутренний продукт в России сегодня ниже, чем валовый внутренний продукт в РСФСР, примерно на 30 процентов. Промышленное производство упало более чем в половину. Количество семей, имеющих машины, за это время увеличилось вдвое, на 8 миллионов. Может это быть вместе правдой? Может.

Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода древнего царства. Представим себе на секундочку, что строительство пирамид выходит из моды, что бывало, скажем, на переходе от древнего к среднему царству. У

вас прекращается масштабное строительство пирамид. Какая-то часть ресурсов перераспределяется в ремесло и в сельское хозяйство. ВВП существенно сократился, объем производства ремесленной продукции, то есть благосостояние, немножко выросло.

Я в этой аудитории могу не вспоминать, что такое было водохозяйственное строительство. Что такое было советское животноводство, основанное на импорте 40 миллионов тонн привозных кормов с уникально низкой продуктивностью их использования, советское комбайностроение и т.д. Я уже не говорю о военном секторе. Это колоссальный круг видов деятельности, которые никак не работают в новом состоянии и которые никак не совместимы с рыночной экономикой.

Значит, когда разваливается социализм, совершенно неизбежно начинается падение производства, потому что идет постепенное перераспределение этих ресурсов, связанных с неэффективными видами деятельности, в новые эффективные. Причем это не тот процесс, который вы можете организовать упорядоченно. Нельзя сказать: вы раньше производили системы управления ракетами подводных лодок, а теперь будете производить телевизоры. Потому что, пока нет рынка и конкуренции, никто не может дать гарантию, что эти телевизоры будет кто-то покупать. Я думаю, в этом был парадокс и беда советской конверсии.

У нас, в отличие, скажем, от Польши, была недостаточно последовательная политика, поэтому этот период растянулся не на три года, а на семь. Падение оказалось в результате гораздо более глубоким, чем оно должно было быть. А предпосылки роста оказываются гораздо хуже сформированными.

Конечно, в России сегодня экономическое положение неизмеримо лучше и стабильнее, чем оно было в 1991 году. Конечно, за это время пройден огромный путь к формированию базы рыночной экономики. Но из-за отсутствия систематической и последовательной политики переход оказался гораздо более социально травматичным, чем он должен был быть, падение производства больше, падение доходов больше, период падения и период социальной дезорганизации дольше и так далее. Мы довольно дорого заплатили за исте-

ричные крики тех, которые говорили, что радикальные реформы в России не нужны.

Любовь Цуканова: Егор Тимурович, давайте вернемся к моральным критериям. В 1992 – 93 годах интеллигенция очень любила цитировать Бродского – про то, что "ворюги нам милей, чем кровопийцы". Это было своего рода оправданием того, что одни нищали, а другие наживались. Сейчас уже не цитируют, потому что ворюги всем надоели. И многие считают, что именно с вами, с вашим правительством и с теми, кто шел за вами следом, пришли эти самые ворюги. Не случится ли так, что терпение людей лопнет, и кровопийцы станут им ближе и роднее (и уже стали для многих), чем ворюги?

Е.Г.: По-моему, тема "ворюг и кровопийц" была ключевой не в 1992 – 93-м, а в 1995 – 96 годах, если я хорошо помню состояние общественного сознания. У меня такое ощущение, что я первый даже употребил этот оборот – это был конец 1994 года – и он дальше довольно активно пошел в прессе. Хотя я могу ошибаться.

Что категорически не устраивало в нашем правительстве очень большую часть элиты? И почему оно было короткоживущим? Вот, скажем, сегодня вы можете себе представить правительство (я ничего не хочу сказать плохого о наших последователях), которое вообще не подкупает депутатов? А мы не подкупали депутатов. Это была тема за пределами обсуждения. Я с 1992 года ни с кем из тех, кого мы потом называли олигархами, по-моему, не встречался ни разу. И, надо сказать, они чувствовали себя тоже по отношению к нам очень дистанцированно.

Вы понимаете, что правительство с таким стилем отношений с бизнесом и обществом было поразительно неудобным. Оно было как затычка в очень большой бочке. Раньше или позже ее просто должно было вышибить.

Да, меня тоже очень волнует вопрос, а не надоест ли это слишком сильно. На каком-то коротком историческом этапе, когда мы проходили точку возврата и риска еще одного коммунистического эксперимента, то есть в ситуации жесткого выбора, я для себя тоже считал возможным сказать: мне ворюги милее, чем кровопийцы. Не потому, что я их люблю, а потому, что понимаю: в нормальном обществе, при нормальном развитии, если нам кровавую кашу не устроят, мы раньше или позже сумеем справиться с ворюгами. Ворюги дают возможность обществу с собой бороться – в отличие от кровопийц. А вот дальше очень многое зависит от того, насколько будем эффективны в этой борьбе.

Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода древнего царства

Екатерина Дробязко: А как вы относитесь к тому, что ваших единомышленников обвиняют в том, что они берут взятки, незаконно получают квартиры и прочее?

Е.Г.: К тому, что обвиняют, я отношусь нормально, потому что совершенно ясно, что будут обвинять. А вот об истории с квартирами... Меня, честно говоря, она несколько умилила и изумила. Вот шло это уголовное дело по Коху, копали, насколько я знаю, все документы Госкомимущества за шесть лет. Вы представляете, что это такое. Копали, копали — и в чем его в результате обвинили?

Его обвинили в том, что, когда правительство его перевело на работу из Петербурга в Москву и назначило заместителем председателя ГКИ, его не оставили жить на вокзале, а дали квартиру. И кто обвиняет? Я не знаю, господин Болдырев (заместитель председателя Счетной палаты РФ. — Ред.), который приехал из Петербурга в Москву, живет до сих пор на вокзале, или все-таки у него квартира? Господин Соколов (аудитор Счетной палаты РФ. — Ред.), насколько мне помнится, раньше жил в Иркутске. Он до сих пор ночует на вокзале или он получил квартиру?

Валерия Новодворская: Вы говорите, что после 1996 года трудно демонтировать рыночные механизмы. Но каким же образом тогда большевикам удалось фактически за год, за полтора полностью демонтировать экономические рыночные механизмы прежней России? Если большевики тогда управлялись с демонтажом, то в чем научная гарантия, что будущие большевики или национал-патриоты не управятся?

Е.Г.: Нет, никаких экономических препятствий к тому, чтобы демонтировать рыночные механизмы, нет. При желании власти либо при очень неграмотных ее действиях это все можно сделать на протяжении года. Опыт Чили и Альянде это блестяще показал.

Когда я говорю о том, что мы прошли точку возврата, это связано не с тем, что технически сложно демонтировать. Социально сложно. Уж очень много интересов сейчас связано с тем, чтобы эти частнособственнические рыночные отношения сохранялись.

Вот просто классический пример. 1996 год, выборы. Собственно, почему Зюганов не победил? Да,

Мы довольно дорого заплатили за истеричные крики тех, кто говорил, что радикальные реформы в России не нужны

была мощная пропагандистская кампания. Но она бы ничего не решила, если бы социальный ветер в это время не дул в наши паруса. А почему он дул?

Потому что мы сумели показать одно: что коммунисты — это серьезная угроза рынку. Будут коммунисты — будут карточки. Это понимали даже неграмотные бабушки, что, впрочем, не мешало многим из них голосовать за Зюганова...

Андрей Колесников: Наша экономика и политика прошли в своем развитии два этапа. Сначала основные угрозы исходили от отраслевых лоббистов, потом поменя-

лась структура экономики, и основные угрозы исходили от естественных монополистов и олигархов, или от финансово-информационных групп, как вы называете. Закончилась ли эпоха безраздельного властвования естественных монополистов и олигархов? Какие еще опасности могут подстерегать экономику и политику?

Е.Г.: Сказать, что полностью закончилась, не могу. Это еще очень мощные структуры. На саммите СНГ они показали, сколько еще всего могут.

Есть две модели построения корпоративного государства. Первая из них — это от финансово-промышленных групп вверх к власти: через своих людей, через контролируемые выборы, контролируемое начальство и так далее. Вторая — сверху, с поста главы администрации области, мэра крупного города и так далее — вниз. Свой лояльный, подконтрольный бизнес, несущий деньги туда, куда ему укажут. Это угроза очень и очень серьезная и отнюдь не пройденная. В некотором смысле мы сегодня проходим между Сциллой и Харибдой. С одной стороны Березовский, с другой — Лужков. И надо как-то провести корабль.

В.Н.: А Лебедь в этой системе координат занимает существенное место?

Е.Г.: Лебедь, с точки зрения той политики, которую он будет проводить, если куда-нибудь будет избран, — это абсолютная terra incognita. Это такой замечательный пример, когда у нас нет никаких оснований судить о том, что он будет делать. Когда человек на президентских выборах может иметь две экономические программы, каждая из которых полностью противоречит другой, и сам отнюдь этим не

смущаться, то есть, даже не понимать, о чем, собственно, его спрашивают, — то это значит, что мы вообще не знаем, что он будет делать, если, паче чаяния, будет когда-нибудь избран.

Александр Пумпянский: Егор Тимурович, вы доказали, что вы крупный специалист по экономике древнего Египта. Но наших читателей волнует и политика древнего Египта: как складываются отношения с фараоном? В прошлом году он пригласил очередную пару молодых реформаторов, потом смел их, или смял, или зачитался какой-то книжкой, которой не было. Сейчас снова происходит то же самое. Так как с фараоном?

Е.Г.: Мне очень нравится, что фараону нравятся молодые. Гораздо было бы печальнее, если бы фараону нравились исключительно люди его поколения и старше.

Все очень много знают о Борисе Николаевиче Ельцине. Он (в отличие от Александра Ивановича Лебедева, который полная загадка), на мой взгляд, человек достаточно понятный. По крайней мере, мне понятно, что он делает, чего он хочет. В том, что он хочет добра для России, у меня нет никаких сомнений. То, что он неточно знает, как этого добиться, мы все прекрасно видим по многим его серьезным ошибкам, не говоря уже о чеченской трагедии, о чеченской войне. В том, что сегодня ему понравилась эта молодая команда, и он ее поддержал, по-моему, есть серьезная база для надежды. В любом случае, как говорил вождь, у меня нет для вас другого фараона.

Дмитрий Орлов: Кириенко удалось добиться у президента исключительной прерогативы: правительственные постановления и распоряжения не будут согласовываться с президентской администрацией. Президентская администрация сильно потеряет в своем влиянии?

Е.Г.: Конечно, очень сильно. Я думаю, что сейчас замысел тех, кто работает в президентской администрации, состоит в следующем: ладно, вы с нами не будете согласовывать ваши постановления, а мы зато не будем с вами согласовывать наши указы. Что возможно, конечно. Это своего рода "наш ответ Керзону". Но надо понять, что без правительства никакой указ выполнить невозможно. Поэтому на месте администрации президента я всегда согласовывал бы указы, если не с правительством, то с ключевыми ведомствами, которые отвечают за их выполнение. Чтобы самим себя не подставлять. Но в целом, на мой взгляд, произошло радикальное ослабление президентской администрации. По крайней мере, в экономической области.

Естественно, у Государственно-правового управления президента

и его главы Руслана Орехова при этом остаются очень большие возможности. Оно, во-первых, будет строгим критиком правительственных постановлений и будет регулярно класть на стол президенту цидулю о том, что из этого неправильно, что противоречит закону и так далее. В этой связи я совершенно не исключаю того, что правительство в рабочем порядке, там, где есть необходимость подстраховаться, будет по-прежнему советоваться. Но это совсем другое дело, чем когда без согласования не можешь выпустить ни одной бумажки.

Виталий Ганюшкин: В ходе всей этой пертурбации не возникала ли там наверху мысль иметь другое правительство и другого премьера? Вам не предлагали вернуться? Если бы предложили, то как бы вы к этому отнеслись?

Е.Г.: Нет, не предлагали. Как бы отнесся? Терпеть не могу обсуждать тему в сослагательном наклонении. Мое отношение к работе в правительстве предельно простое. Ассоциации с креслом дантиста. Я могу себе представить ситуацию, когда по каким-то причинам надо туда снова сесть, но сказать, что мне эта идея доставляет хоть малейшее удовольствие, — нет.

Дмитрий Шевелев: Согласны ли вы с тем, что после продажи акций "Связьинвеста" и "Роснефти" может наступить другой период, и, в частности, задачи промышленно-финансовых групп будут сосредоточены не на переделе собственности, а на совершенствовании управления? Если да, то какие основные черты этого периода вы видите, если нет, то почему?

Е.Г.: В целом думаю, что да. Это уже сейчас очень хорошо видно. Когда "Сиданко" своим партнерам из "Бритиш петролеум" говорит, что они хотят пригласить сто ведущих менеджеров для постановки работы на современном уровне, это наглядный пример того, что люди начинают понимать: нужна огромная серьезная технологическая, требующая современных кадров постановка работы по реструктурированию и улучшению управления. Время, когда лежали куски и их просто надо было взять, — прошло. Дальше весь вопрос в том, сумеешь ли ты ими распорядиться. Я вижу, как сейчас растет спрос на квалифицированных управленцев, которые могут это сделать.

Сергей Голяков: Как, по вашему мнению, сложатся наши отношения в области экономики и политики с Чечней? И как они должны в принципе формироваться?

Е.Г.: Чем спокойнее, тем лучше. После всего, что там наделали в 1994, 1995, 1996 годах, не надо думать, что есть какое-то чудо, ко-

торое позволит все быстро зашить и сделать вид, как будто ничего не было. Надо, по возможности, учиться жить рядом, надо продолжать диалог. Никто никаких политических дивидендов на Чечне в России в ближайшие годы не зарабатывает. Каждый человек, который будет заниматься Чечней, будет иметь кучу неприятностей. И тем не менее все равно этим надо заниматься.

В экономике надо давать возможность чеченцам зарабатывать мирными занятиями, одновременно не создавая иждивенческих настроений.

Валерия Новодворская: А почему не сделать то, что когда-то сделала Британская империя? Спустить российский флаг, поднять чеченский, предоставить независимость и извиниться, желательнее погромче.

Е.Г.: Британцы не извинялись, но не это важно. Стратегически это возможное решение. И даже, может быть, выгодное для России с точки зрения чисто экономической. Но я политический реалист. Я понимаю, что это решение неприводимо сегодня через российские органы власти, через Думу в первую очередь. Попытка поставить этот вопрос ничем другим, кроме как истерикой, скандалом и маханием флагами, которые могут только повредить делу, не обернется. Есть и проблема прецедента, с которой нельзя не считаться. Так что я сегодня не готов дать подобный совет президенту. Я точно знаю, что он не сможет этого реализовать, а если затеет, то не уверен, будет ли это хорошо.

Андрей Колесников: Егор Тимурович, вы упомянули тему формирования демократической коалиции к парламентским и президентским выборам. Понятно, что за два года все может измениться десять раз, но сейчас такое впечатление, что нет человека, вокруг которого эта коалиция могла бы сложиться.

Е.Г.: Мне ситуация кажется сложной, но не безнадежной. У меня есть свои гипотезы по поводу того, вокруг кого и как можно устраивать эту коалицию, и какова технология "устройства". Но так как для этого надо решить довольно много технологических задач, и так как любое обсуждение этой темы может повредить шансам на "устройство", я предпочел бы сейчас не открывать дискуссию на эту тему.

Александр Пумпянский: Это говорит духовный покровитель и учредитель журнала "Открытая политика".

Е.Г.: В политике действительно надо говорить всегда правду. Но там есть довольно много всякой правды, которую говорить нельзя, если не хочешь нанести серьезный вред полезному делу. Это то, к чему я с трудом приспособился после 1991 года, потому что это противоречит стереотипам нормального интеллигентского сознания.

В.Н.: При победе Зюганова или какой-нибудь столь же аппетитной личности на президентских выборах предусматривали ли вы хотя бы свою личную готовность предложить президенту заранее или во время этого события не отдавать власть, прибегнуть к силовым методам? То есть снести фигуры с шахматной доски, как вы любите говорить, огреть этой шахматной доской коммунистического или фашистского противника. А заодно тысячу автоматов, которую вы хотели одолжить в МинЧС у Шойгу в 1993 году...

Е.Г.: Я не "хотел одолжить", а одолжил.

В.Н.: ... опять нам раздать в случае выигрыша Зюганова. Вы были готовы к такому варианту?

Е.Г.: Честно говоря, не был. Скажу почему. Я хорошо знал общее изменение ситуации в обществе между 1993 и 1996 годом. Я очень хорошо знаю ситуацию в наших силовых структурах. Я знаю, какой там низкий уровень лояльности нынешней власти, какие там глубокие внутренние симпатии на всех уровнях к национал-социалистам и к коммунистам образца Зюганова. Я был глубоко убежден, что эта затея нереализуема. Если бы я знал, что можно в 1996 году это сделать и власть при этом не отдать, я бы очень серьезно думал об этом. Но у меня была твердая, абсолютно непоколебимая убежденность, что кончится это все жалкой авантюрой, и у нас повторится 1991 год, только в виде фарса. И демократия в России кончится не трагически, как бы она кончилась в ином случае, а фарсом, что для меня было абсолютно неприемлемым и недопустимым.

В.Н.: А сейчас? В 2000 году?

Е.Г.: В 2000 году я очень не верю в серьезную угрозу победы коммунистов. Я верил в такую возможность в 1996 году — просто потому, что они выигрывали почти все вторые выборы в Восточной Европе и

Мое отношение к работе в правительстве предельно простое. Ассоциации с креслом дантиста

потому, что я знал, что реформы тяжелые, и потому, что знал, какая популярность у Ельцина на фоне чеченской войны. Сегодня мне не понравится, наверное, если выберут президентом Юрия Михайловича Лужкова. У меня нет ни малейшего энтузиазма и по поводу того, чтобы, скажем, Лебедь был избран президентом. Но вот представить себе президентом Зюганова в 2000 году я не могу. Уже определилось его место, сократился реальный электорат, определились границы. Тогда эта волна была страшной, а сейчас она в берегах. Хотя, конечно, Россия — это страна, где сказать что бы то ни было твердо, навсегда — очень опасно.

Дмитрий Орлов: А как вы оцениваете перспективы Чернобырдина?

Е.Г.: Честно говоря, как мне трудно представить себе Зюганова, избранного в 2000 году, так мне трудно себе представить Чернобырдина, избранного в 2000 году. Своеобразная харизма Чернобырдина была неотделима, как мне кажется, от его поста, от его премьерства. Когда все эти обороты, ужимки, прыжки романтизируются властью, когда это такая своеобразная косноязычная романтика власти — все было как-то... продаваемо. Без власти — не знаю, как это ему удастся сделать. Честно скажу, меня очень смущает бурный роман олигархов с Чернобырдиным, когда он уже начинает выступать явным вестником этой политической силы. Но мне кажется, что никаких усилий первого и четвертого каналов недостаточно для того, чтобы сделать из Чернобырдина избираемого политика. Может быть, у них есть иллюзия, что если они сделали в 1996 году популярным Ельцина, то смогут сделать то же самое с Чернобырдиным. Но в 2000 году будет совсем другая ситуация...

Александр Пумпянский:

Тем не менее вокруг кого могла бы объединиться элита (я не говорю об избирателях) к 2000 году?

Е.Г.: Если за это время нам не удастся сделать ничего другого, достаточно эффективного и сильного, элита совершенно неизбежно объединится не вокруг того, кто нам нравится, а вокруг того, вокруг кого она объединится. То есть вокруг Юрия Михайловича Лужкова. Это ей не по нраву, она будет переживать по этому поводу, но раньше или позже объединится вокруг Лужкова.

Меня стратегически коммунисты пугают меньше. Гораздо больше сейчас опасны коричневые. Они пытаются перетащить молодежь

Это гораздо более реально, чем вокруг Чернобырдина.

Валерия Новодворская: А не лучше ли объединиться, на старый добрый манер, вокруг фараона?

Е.Г.: Мы здесь вступаем в гадательную область. Все зависит от решения Конституционного суда, которого еще не было, от собственного желания или нежелания Ельцина баллотироваться. Насколько я понимаю Бориса Николаевича, он на сегодняшний день категорически не хочет баллотироваться. Искренне и глубоко. Но сегодня 1998 год, а что будет в 2000 году, я не знаю. Сказать, что эта тема закрыта, по-моему, было бы неправильно.

Честно говоря, я убежден, что страна наша не обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым.

Георгий Осипов: А вы можете представить себе фараона на пенсии?

Е.Г.: Откровенно говоря, с большим трудом.

В.Н.: Я не знаю примеров перехода от тоталитаризма к демократии без нравственного очищения общества. Конечно, моральный декаданс есть повсюду, но реабилитация Берии, согласитесь, возможна будет только у нас.

Е.Г.: Я, в общем, согласен с вами. Конечно, то, что мы в 1991 и 1993 годах не провели радикальную декоммунизацию страны, элиты — это очень серьезная проблема. Но я считаю, что надо исходить из реалий. Мне кажется, что был момент, когда это можно было сделать: 4 октября 1993 года. И следующие пять дней после этого. Когда, после тяжелейших событий, был разрешен кризис двоевластия, консолидирована власть. Когда наши противники думали, что с ними поступят так же, как они бы поступили в случае успеха. В этой связи они были немислимо послушны и готовы принять все, что угодно. Такое было два раза: в 1991 и в 1993 году.

Скажем так: Ельцин в том состоянии, когда он был готов это сделать, существовал в одной точке — в августе-сентябре 1991 года. А реализовать это можно было в другой точке — в октябре 1993 года. И то, что эти две точки не совместились, привело к тем результатам, к которым привело: к тому, что у нас легальная коммунистическая партия, что можно гордиться своей

принадлежностью к органам государственной безопасности и так далее.

Громко кричать о вещах, заведомо выходящих за грань политических реалий, — это не значит помогать их решать. Я совершенно отчетливо вижу, что сегодня эта задача нереализуема. Приходится жить с тем, что мы получили.

В.Н.: А если не будем кричать, как будет решаться эта проблема?

Е.Г.: Коммунистическая партия будет существовать как постоянно действующий элемент политического ландшафта. Влияние ее постепенно будет падать по мере того, как будет уходить коммунистический электорат. Она будет постепенно интегрироваться в структуры капиталистического общества, причем не самыми красивыми приемами: сращиваясь с бизнесом, создавая и защищая свой бизнес, для этого сращиваясь с властью, и т.д.

Меня стратегически, честно вам скажу, коммунисты пугают меньше. Гораздо больше сейчас пугают коричневые. Они пытаются перетащить молодежь. Я всегда повторяю цитату Хайека, который, как обычно, выразился очень точно: "Фашизм и коммунизм — это не близнецы-братья. Фашизм приходит после разочарования в коммунизме".

Любовь Цуканова: Я хочу вернуться к вашему электорату. Вам не кажется, что вы его забросили? Я знаю много молодых людей, ваших сторонников, которые тем не менее не ходят на выборы, потому что не чувствуют вашей силы. Они умные, они прагматики, и они знают, что помочь можно тому, кто сам силен и способен что-то сделать. Ваши импульсы до них не доходят. Вам не кажется, что ваша партия ведет себя пассивно в последнее время?

Е.Г.: Это правда. Наш избиратель, действительно, очень умный и прагматичный. Конечно, ему бы хотелось иметь нормальную либеральную фракцию в Государственной думе, и чтобы там было больше умных людей. Но ему надо понять: это реальная задача или нет? Если он почувствует, что это реальная задача, решаемая, что есть сила, которая способна выигрывать выборы, наш электорат может быть существенно увеличен. Пока мы не сможем это продемонстрировать, никакой мелкой суетой эту проблему, я боюсь, не решить. Поэтому когда я говорю о правоцентристском блоке, я говорю о том, что необходимо сделать для того, чтобы тот социальный заказ, который предъявлен нам, был реализован.

Подготовила к публикации
Любовь Цуканова